

ВСТРЕЧА НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ

ЕДУ ПО МОСКВЕ...

Людмила ГУРЧЕНКО

Эх вы, московские просторы и улицы... Эх, дороги, перекопанные, перелатанные, с ухабами, рытвинами и открытыми люками... Оказывается, древняя столица уже не архитектурный памятник, а просто город. Так что же я причитаю, если просто город? Больно. Понимаете, мне очень больно! И стыдно. Очень стыдно.

Фото Игоря ГНЕВАШЕВА.

сторонам. Я к ней ближе всех и потому развожу руками: я не курю, к сожалению. «О,— восклицает девушка,— я вас по голосу узнала. В жизни вы совсем-совсем другая». В это время официант ставит перед ней кофе и высоко-морозное. Прикуривая от его зажигалки, она незаметно поворачивает карту «гостя» другой стороной, где нет фотографии. Мне, конечно, пора уходить. И шумный столик притих — спорят: она или не она? Знакомый момент. Спорят, наверное, на коньяк. Что ж, встала я из-за того столика, а очутившись на лестнице, побежала по свежеевыкрашенным пролетам, не встретив на пути ни одного ну хоть бы отдаленно знакомого кинематографического профиля.

Когда уже перебежала кордон, который охранял все подходы к ПРОКу, меня окликнул незнакомый полный человек из той шумной компании. Он проспорил две бутылки «Наполеона». «Черт, не узнал. Я же с тобой в фильме «Роман и Франческа» рядом стою. Был влюблен в тебя. Вот это был фильм! Фильм века и моей молодости». Его русский уже изрядно плавал по английским интонациям. Уехал он в 1973 году: «Теперь я американский миллионер». Говорил, что ни за что бы не уехал, если бы платили хоть «тыщу» в месяц. А как на 120 рублей с женой и двумя детьми? Пахать с утра до ночи за копейки, принося государству миллионы? «Теперь у меня большой бизнес. Я богатый и свободный человек, понимаешь?» Конечно, я понимаю, что такое приносить миллионы государству, получая копейки. Это хорошо понимают все наши кинозвезды. Он меня чуть ли не насильно тащил обратно в ресторан, в свою компанию. Но между нами был ПРОКовский металлический кордон. Знаменательно — мы оказались по разные стороны. Я бежала со своей, казалось бы, родной кинематографической территории, которая была не для меня. Я слушала, а мысли летели далеко. Мысли разные. Долетали обрывки его исповеди. Очень хотелось плакать. И при этом я видела, как модная женщина вышла из машины, не спеша направилась к входу. Как показала милиционерам пропуск. И как навстречу ей, улыбаясь, бросился мужчина с седыми висками. «Может, тебе нужны доллары, ты скажи. Или что-то из «Березки»? Да ты расслабься. Я же тут все ваши дела знаю». А потом, наклонившись, сказал тихо и очень доверительно: «Понимаешь, Людмила, там у нас... совсем не так, как у вас...» И вдруг мне молниеносно захотелось плакать. А стало очень весело. И я начала смеяться, а потом ну просто жутко, неприлично хохотать! А он моментально насторожился, даже глаз задергался — ведь ничего смешного?

Ну как, ну как я это ему объясню? У нас дома есть очень маленькая собачка. Ей, вернее, ему, с трудом подобрали партнершу. Нашли профессионального случника. Моя такса, говорит, 20 рублей. «Такса,— думаю,— приличная собачка и так дешево стоит». Ну ясное дело, сообразила потом, что такса — это не порода, а сумма. Он переоделся в халат, помыл руки, как заправский хирург, попросил всю нашу семью удалиться в другую комнату и стал приговаривать, шуршать и колдовать. «Ну как?» — спрашиваем. «Все идет как положено,— отвечает,— попрось без вопросов, товарищи, отвлеките». Когда, расставаясь, получал таксу, он сказал нам тихо и очень доверительно: «Вы же поймите, у них... совсем не так, как у нас...» Ну так что здесь смешного, с чего хохотать? Не знаю, не знаю, но как-то сразу влетела та фраза, вспомнилась та комичная обстановка и одновременно несовместимость и такая одинаковость интонаций, очень деликатных и таинственных. И нервное напряжение от ситуации в ресторане, и, конечно, все это вместе взятое подхватила моя профессия с ее идиотским непредсказуемым устройством. Короче, он смотрел на меня, как на болыну. Он был прав. Я больна.

Я могла бы сейчас приехать в СССР с долларами в кармане и выступать в лучших залах столицы... И открывались бы двери всех заведений, закрытых для советской «звезды»... Ах, мне преемственно было бы увидеть ту, приехавшую к нам актрису... Но только она была бы не я.

ЕДУ ПО МОСКВЕ рядом с озабоченными лицами, с которыми живу и выживаю во всякие «дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины»... Что-то и во внутренней, и во внешней драматической ситуации подсказывает, что этот личный и общественный перелом по-своему даже необходим. Может быть, потому, что без духовных борений, без усилий и боли ничего нового не произрастает? Так, значит, я здорова?!!

ЕДУ ПО МОСКВЕ... Винные очереди уже никого не удивляют. А по-моему, именно в них, в этих винных очередях, зарождались сегодняшние забастовки и национальные распри. Именно в тех накаленных хмельных очередях резко проявлялись национальные особенности характеров, смешивались диалекты, акценты, специфические сленги, рождались острые и злые анекдоты, взрывались несовместимые темпераменты. Винная проблема вроде бы разрешилась. Но пришли новые. А с ними и новые очереди. Очереди за всем. За всем, за всем на свете. Даже магазин «Свет», еще так недавно изобиловавший светильниками, люстрами и бра, погас. Эх, такая площадка пропадает! На «Мосфильме» никогда не было репетиционно-танцевального зала. Вечно репетировали в каких-то клубиках или прямо на съемочной площадке. А чаще с ходу, без подготовки: «Мотор!» — и поехали! Простаивает притихший «Свет». И музыкальными картинками не пахнет. Больно. Очень больно. Купила несколько выключателей и проводов на всякий случай. Завтра, может статься, и проводов не будет. По ТВ сказали, что в ближайшие год-два будет хуже. Приготовьтесь, мол. Страшно мне? Н-не знаю... Залка большая. Взболтайте: горе, ужасы и комизм. Получится смесь под названием: «Эту песню не задушишь, не убьешь...» Да вот моя ария на вступительных экзаменах опереточного отделения ГИТИСа:

*С голоду, с холоду бывало
Все голоса в двенадцать голосов,
Я ж не унывала, песни распевала,
Подтянув потуже пояс.*

Ну так что ж, еще раз поясок подтянем, если это нужно Родине. Простите, слово это, кажется, нынче не в моде. Лучше «Отчизне», или, может, «Отечеству»... «Славься, Отечество наше свободное, дружба народов надежный оплот». А тут как быть? Оказалось ведь, что Отечество наше никогда не было свободным. А что до «дружбы народов»... Так вот, по недавним сообщениям, между двумя братскими народами не проходят поезда с жизненно необходимыми товарами...

ЕДУ ПО МОСКВЕ... Здесь часто проезжаю. И очередь здесь с каждым днем больше и пестрее. Очередь около посольства США.

В каждой отдельной эмиграции всегда есть своя загадка и проблема. Но теперь и это уже вроде как не проблема. А от этой очереди на сердце больно. И стыдно. Очень стыдно. За последние несколько лет самые смелые кинематографические инсценировки из серии «за бугром» — уже отработанный прием. Теперь все своими словами: «Бегите!» Четко и ясно. И в повелительной форме. И уезжают, и бегут. Но что за парадокс! В это же время к нам приезжают и Рубашкин, и Токарев, и Баянова, и Татляна... И поют на русском языке те же наши песни, с проблемами и дефицитными «полными коробушками». И с утром, которое «красит нежным светом стены древнего Кремля».

И даже в песнях, написанных в эмиграции, к слушателям льется ностальгия исполнителя по своему городу, улице, двору, Красной площади, соседям, нехваткам и дефицитам. И зал проникается к артистам не только любопытством и интересом, но уважением и теплом. Какой кругосветный психологический круговорот должна была проделывать наша песня, чтобы из усталой и поднадоевшей начать приобретать свою вторую жизнь.

От всех прежних табу четко выработалось: все лучшее идет оттуда. А свое... Так это же свое, куда ж оно, свое, денется? Валейся, пылись, задыхайся в забвении — ты ведь свое. А точнее, ничье. Через передачу «Что? Где? Когда?» узнаешь, что самый маленький приз японская фирма присуждает — даже становится не по себе — за бесполезное изобретение! Просто за инициативу. А? И вот умные зарубежные головки берут наши черные сатиновые ватники и «перестраивают» их в разноцветные пуховые строченные пальто. Украинские сапожки — в разного калибра сапоги. Смеется над прическами «панков», а те мальчишки, наверное, здорово изучили картину Репина, где наши запорожцы пишут письмо турецкому султану. Ведь все они там лысые, с «панковскими» чубами. Да еще и в широченных шароварах, которые тоже взяты на вооружение западными модницами. А мы пожимаем плечами: «Господи, прости! Это ж надо, до чего люди дошли...»

ЕДУ ПО МОСКВЕ... Останавливаясь, смотрю, фиксирую, мечусь, затаихаю — и не могу! Не могу в ворохе событий невероятных, в ворохе катастроф, в ворохе обнадеживающих новостях и в их скоростных отменах, в ворохе сменяющихся авторитетов, гастролеров, мод,

ритмов и резиновых дубинок уловить, выделить главное, прощупать в сегодняшнем дне то, что даст мне импульс жизни, путь к выживанию. Я вижу, как мы теряем свое лицо. Я чувствую в воздухе ироничную насмешку. Потому что в мире по-настоящему ценится только свое, самобытное. Быть вторичным во всех областях (но в моей профессии это точно) ужасно, неприлично, смерти подобно. Ведь не просто так на одном из престижных (Венецианском) фестивалей главный приз был вручен тайваньскому фильму. Ну, ей-богу, это ведь не самая сильная кинематографическая страна. И наш Достоевский всему миру интересен и загадочен. Потому что такого рода страстей не могло быть нигде, только в России. И его герои, находясь на краю, над пропастью, на дне, никогда не теряли главного — человеческого достоинства.

Во многих последних фильмах и монтаж, и звуковой ряд, и панорамы с частыми сменами фокусов и уходами в нефокус неоправданны для наших жизненных ситуаций. Они придуманы. И поведение русских и нерусских героев — все постепенно становится похожим на американцев с их раскованной манерой ходить, говорить, одеваться, естественной для них. Реплики переводчиков, голоса которых стали родными для тех, кто смотрит видео, целиком переключаются в наши картины. Даже стиль игры героинь в состоянии наркотического опьянения, лихорадочный прием таблеток, захлебывающиеся интонации и замертво падение на пол...

ЕДУ ПО МОСКВЕ... Гостиница «Россия». У меня многое связано с концертным залом, но первыми влияют наши московские кинофестивали. Всего два года прошло между прошлым и нынешним. Изменений очень много. Все ближе к западному опыту, все дальше от нашего официозного. А в результате ни то, ни это. А просто никак, ничто. В Москву на фестивали приехало очень много ранее эмигрировавших знакомых и друзей. Приехали, естественно, с валютой. И стали самыми уважаемыми и желанными людьми. На этом последнем фестивале

наш бежевый рубль впервые так ярко продемонстрировал всю свою торжествующую несостоятельность. У меня лично от посещения в ПРОКЕ итальянского ресторана на душе осадок, а эйфория и восторг Пятого съезда улетучились совсем. Представьте себе, уважаемые, такую сцену: советская «звезда», отслужившая уже не одному поколению, приходит в ресторан с итальянской кухней, расположенный в здании киноцентра. Здесь профессиональный клуб готовил кинематографистам встречи, дискуссии, просмотры, развлечения, а в перерывах, конечно, обеды и чай. Да, так заходит «звезда» в ресторан... Все официанты, узнав ее, опускают головы и быстро, как шары в бильярде, раскатываются в разные углы. Она еще не понимает, дура, что она здесь такое, если у нее нет валюты. За границей она в ресторан не ходит, там она умная. Но здесь, у себя...

И предупреждающей таблички: «Обслуживаем только на иностранную валюту» — нет. Она бросается с улыбкой к главному, но он с каменным лицом, на котором стали проступать красные пятна — ведь он ее узнал! — выслушивает и подходит к импозантному черному мужчине. Что-то говорит ему на итальянском, и по тому, как перевоплощается каменное лицо, я понимаю (ведь это была я), что главная фигура здесь не он, а тот черный мужчина. Итальянец меряет меня с ног до головы — тяну ли я на «звезду», и мне стоит немало внутреннего напряжения суметь расслабиться, когда мы встречаемся глазами. Он кивает и ведет меня к свободному столику. Сиджу 5, 10, 15 минут... Зал полупустой, но ко мне никто не подходит. Напротив в зале шумит компания, весело расположившись за роскошным столом с разноцветными пазухами бутылками. В дверях появляется высокая красивая девушка. К ней подходит итальянец и, разговаривая с ней по-английски, усаживает ее недалеко от меня. У нее на груди висит такая же, как и моя, карта «гостя». Девушка кладет на стол сигареты «Мальборо» и в поисках спичек оглядывается по